

*Посвящается семье Льюис:
Мелани, Джонатану и Хелен*

Я твердо верил, как и тот,
Кто лире вторит и поет,
Что каждый может по пути
От смерти к небесам пройти.

Альфред, лорд Теннисон, «Памяти А. Г. Х.»

Пролог

Йорк, 1847 год

— Я боюсь, — сказала маленькая девочка, сидевшая на кровати. — Дедушка, не уходи.

Алоизий Старквезер раздраженно кашлянул, придвинул стул ближе к кровати и уселся на него. Раздражение было не вполне искренним: внучка так доверяла ему, что частенько лишь он один мог ее успокоить, и старику это льстило. Девочка даже не боялась его грубых манер, хотя была очень чувствительна.

— Бояться нечего, Адель, — сказал он. — Вот увидишь.

Она посмотрела на деда огромными глазами. Обычно церемония первого нанесения рун проходила в одном из просторных залов Йоркского Института, но из-за слабого здоровья Адели обряд решили провести у нее в комнате: так девочке будет спокойнее. Она сидела на краешке кровати, очень напряженно и неподвижно. Мягкие светлые волосы были стянуты красной лентой под цвет парадного платья, в которое девочку облачили для церемонии. Глаза ее казались огромными на худеньком лице, ручки — совсем тоненькими. Адель была хрупкой, как фарфоровая чашка.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ПРИНЦЕССА

— Безмолвные Братья, — прошептала она. — Что они со мной сделают?

— Дай мне руку, — велел Алоизий, и девочка доверчиво протянула ему правую руку. Он развернул ее ладонью вверх, глядя на бледно-голубые ниточки вен под кожей. — Они возьмут стило — ты ведь знаешь, что это такое, правда? — чтобы начертать на тебе Метки. Обычно начинают с руны ясновидения, о которой тебе потом расскажут на занятиях, но в твоем случае первой станет руна силы.

— Потому что я слишком слабая?

— Она нужна, чтобы укрепить твое здоровье.

— Как говяжий бульон, — поморщилась Адель.

Алоизий рассмеялся.

— Надеюсь, она будет не такой противной. Будет немножко жечь, но будь смелой и не плачь, ведь Сумеречные охотники не плачут от боли. Потом жечь перестанет, и ты почувствуешь себя лучше, станешь сильнее. На этом церемония закончится, и мы пойдем вниз, где для нас уже приготовят пирожные с глазурью.

— И будет праздник! — нетерпеливо подхватила она.

— Да, и праздник. И подарки. — Алоизий похлопал по карману, где была спрятана маленькая коробочка, завернутая в тонкую голубую бумагу. В коробочке лежало крошечное фамильное кольцо. — Я уже кое-что для тебя приготовил. Ты получишь это, как только церемония завершится.

— Раньше в мою честь никогда не устраивали праздников!

— Но ты ведь становишься Сумеречной охотницей, — объяснил Алоизий. — Ты понимаешь, насколько это важно? Первые руны сделают тебя нефилимом — таким же, как я и как твои мама с папой.

Ты войдешь в Конклав. Станешь воительницей, как и все мы, — и даже лучше. Ты будешь лучше всех!

— Лучше всех, — медленно повторила она, и тут дверь ее комнаты отворилась.

Вошли двое Безмолвных Братьев. Адель отдернула руку, и Алоизий заметил, как в глазах девочки мелькнул страх. Дед нахмурился: ему не нравилось, когда его потомкам недоставало отваги, но все же нельзя было отрицать, что Братья внушают ужас своим молчанием и странными, подчеркнуто плавными движениями. Они подошли к кровати Адели, и дверь открылась снова: вошли родители девочки. Ее отец, сын Алоизия, был в алой тунике, мать — в красном платье с широкой юбкой-колоколом. На шее у матери красовалось золотое ожерелье с подвеской в форме руны энкели. Родители улыбнулись дочери, и та робко улыбнулась в ответ, хотя Безмолвные Братья уже подошли вплотную.

— Адель Люсинда Старквезер, — прозвучал у нее в голове голос первого Безмолвного Брата, брата Кимона. — Ты достигла положенного возраста. Настало время начертать на тебе первую из Меток Ангела. Понимаешь ли ты, какую тебе оказывают честь, и пойдешь ли на все, чтобы оправдать доверие?

Адель покорно кивнула.

— Да.

— Принимаешь ли ты Метки Ангела, которые навсегда останутся на твоём теле как напоминание обо всем, чем ты обязана Ангелу, и о твоём священном долге перед миром?

Она снова послушно кивнула. Сердце Алоизия наполнилось гордостью.

— Принимаю, — сказала Адель.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ПРИНЦЕССА

— Тогда приступим.

В длинной белой руке Безмолвного Брата блеснуло стило. Он взял дрожащую руку девочки и прижал острие к ее коже.

Из-под кончика стило потекли и закружились черные линии, и Адель заворуженно глядела, как на бледной коже предплечья постепенно проступает изящный узор. Тонкие линии сплетались друг с другом, пересекая вены, опутывая руку. Все тело девочки напряглось, зубы впились в верхнюю губу. Адель вскинула глаза на деда, и тот вздрогнул, поймав ее взгляд.

Боль. Когда наносят Метку, всегда бывает немного больно, но в глазах Адели читалась настоящая мука. Алоизий вскочил, едва не опрокинув стул.

— Стойте! — крикнул он, но было слишком поздно.

Руна была завершена. Безмолвный Брат отстранился, рассматривая ее. На стило блестела кровь. Адель всхлипывала, помня наказ деда не плакать в голос, но вот ее окровавленная, изрезанная кожа стала расплзаться, чернея и сгорая под руной, словно в огне, и девочка, не в силах больше сдерживаться, откинула голову и без стеснения зарыдала...

Лондон, 1873 год

— Уилл? — Шарлотта Фэйрчайлд приотворила дверь зала для тренировок. — Уилл, ты здесь?

В ответ раздалось лишь приглушенное ворчание. Управительница Института распахнула дверь настежь и вошла в просторную комнату с высоким потолком. Сама она все детство тренировалась здесь и знала как свои пять пальцев и каждую щель в паркетe, и старую мишень, нарисованную на северной

стене, и квадратные окна с древними, просевшими рамами. Уилл Эрондейл стоял посреди зала с ножом в правой руке.

Он повернулся к Шарлотте, и та в очередной раз подумала, какой же он странный ребенок — да, в сущности, уже и не ребенок, хотя ему всего двенадцать. Он был очень хорош собой. Густые темные волосы, слегка выющиеся на концах, сейчас промокли от пота и липли ко лбу. Когда Уилл впервые появился в Институте, кожа его была обветренной и смуглой от деревенского солнца, но за полгода городской жизни побледнела, и теперь на его скулах то и дело проступали пятна румянца. Синие глаза светились удивительным светом. Однажды этот подросток превратится в красивого мужчину — если, конечно, избавится от привычки хмуриться.

— Что такое, Шарлотта? — бросил он, вытирая рукавом пот со лба.

Он по-прежнему говорил с легким валлийским акцентом, растягивая гласные, и это было бы мило, если бы не раздраженный тон. Шарлотта остановилась на пороге, не решаясь подойти ближе.

— Я тебя уже несколько часов ищу! — Слова ее прозвучали резковато, но Уилла этим было не прорвать. Его вообще сложно было чем-то прорвать, когда он бывал не в духе, а не в духе он бывал практически всегда. — Разве ты не помнишь, о чем я говорила вчера? Сегодня мы встречаем нового ученика.

— Помню, конечно. — Уилл метнул нож и снова нахмурился, когда тот вошел в стену за границей мишени. — Просто мне это неинтересно.

Мальчишка, стоявший за спиной у Шарлотты, издал какой-то сдавленный звук. Ей показалось, что это смех, но с чего ему было смеяться? Ее предупре-

ждали, что у мальчика, который должен был прибыть в Институт из Шанхая, проблемы со здоровьем, но она все равно замерла от неожиданности, когда он вышел из экипажа — бледный, шатающийся, как травинка на ветру, с подернутыми сединой темными волосами. Казалось, ему лет восемьдесят, а никак не двенадцать. Лицо у него было узкое, с точеными чертами, а глаза — огромные и серебристо-черные, красивые и в то же время пугающие.

— Уилл, будь повежливее, — велела Шарлотта, пропуская мальчишку вперед и слегка подталкивая его в спину. — Не сердись на Уилла, он просто не в настроении. Уилл Эрондейл, позволь познакомить тебя с Джеймсом Карстерсом из Шанхайского Института.

— Джем, — сказал мальчик. — Все зовут меня Джемом.

Он шагнул глубже в комнату и встретился глазами с Уиллом, глядя на него с дружеским любопытством. К удивлению Шарлотты, Джем говорил безо всякого акцента. Впрочем, отец его — то есть покойный отец — как-никак был британцем.

— И ты можешь меня так называть.

— Ну, раз тебя все так зовут, вряд ли это можно считать моей особой привилегией, правда? — резко бросил Уилл. Для мальчишки своего возраста он грубил с невероятной изобретательностью. — Думаю, вскоре ты поймешь, что для нас обоих будет лучше, если ты, Джеймс Карстерс, оставишь меня в покое.

Шарлотта едва слышно вздохнула. Она надеялась, что этот мальчик, ровесник Уилла, сможет смягчить его, но Уилл, похоже, не шутил, заявив, что ему нет дела до новых Сумеречных охотников, которые приезжают в Институт. Ему не хотелось ни с кем

дружить, в друзьях он не нуждался. Шарлотта взглянула на Джема, ожидая, что тот моргнет от удивления или обиды, но мальчик лишь улыбался, как будто Уилл был котенком, который попытался его уку- сить.

— Я не тренировался с того дня, как покинул Шанхай, — сказал он. — Мне бы не помешал партнер для спарринга.

— Мне бы тоже не помешал партнер, — ответил Уилл. — Но мне нужен боец моего уровня, а не какой-то слабак, который выглядит так, словно уже одной ногой стоит в могиле. Хотя, думаю, из тебя получится прекрасная мишень.

Зная о Джеймсе Карстерсе кое-что, чего не знал Уилл, Шарлотта ужаснулась. «Одной ногой стоит в могиле, о боже!» Что там говорил ее отец? Жизнь мальчика, кажется, зависела от какого-то наркотика, который продлевал его дни, но не мог спасти его. «Ох, Уилл...»

Шарлотта сделала шаг, чтобы встать между мальчишками, как будто могла защитить Джема от жестоких слов Уилла, которые на сей раз угодили точно в цель, о чем он сам и не догадывался. Но затем она остановилась.

Ни один мускул не дрогнул на лице Джема.

— Если ты хочешь сказать, что я похож на умирающего, то ты прав, — произнес он. — Жить мне осталось года два, а если повезет — три. По крайней мере, мне так сказали.

Даже Уилл не смог скрыть удивления. Щеки его вспыхнули.

— Я...

Но Джем уже подошел к нарисованной на стене мишени и вытащил нож из дерева. Затем он вернул-

ся обратно и остановился в шаге от Уилла. Несмотря на хрупкое сложение, он был с ним одного роста.

— Можешь использовать меня вместо мишени, если хочешь, — продолжал Джем так спокойно, словно речь шла о погоде. — Но мне, похоже, нечего бояться, ведь с меткостью дела у тебя довольно плохи.

Он развернулся, прицелился и метнул нож. Тот воткнулся в самый центр мишени и остался торчать, слегка покачиваясь.

— А можешь, — добавил Джем, снова повернувшись к Уиллу, — можешь позволить мне кое-чему тебя научить. Ведь у меня, как видишь, с меткостью все в порядке.

Шарлотта с удивлением смотрела на мальчиков. Уилл полгода отталкивал любого, кто пытался с ним сблизиться, — учителей, ее отца, ее жениха Генри, обоих братьев Лайтвудов, — умело сочетая ненависть с прицельной жестокостью. Если бы она, единственная из всех, собственными глазами не видела, как Уилл плачет, она бы, наверное, тоже давно потеряла надежду, что он сможет поладить хоть с кем-то. Но вот он смотрел на Джема Карстерса, который казался таким хрупким, словно был сделан из стекла, и жесткое выражение его лица постепенно сменялась неуверенностью.

— Ты же не умираешь на самом деле? — наконец спросил он таким странным тоном, какого Шарлотта от него никогда не слышала. — Или умираешь?

— Насколько мне известно, умираю, — ответил Джем.

— Прости, — сказал Уилл.

— Ничего, — мягко ответил Джем. Он сбросил куртку и вытащил еще один нож из-за пояса. — Не будь как все. Не извиняйся. Лучше потренируйся со мной.

Он протянул нож Уиллу рукояткой вперед. Шарлотта затаила дыхание, боясь пошевелиться. Она чувствовала, что на ее глазах происходит что-то очень важное, хотя и не могла сказать, что именно.

Уилл протянул руку и, не отводя взгляда от лица Джема, взял нож. Их пальцы соприкоснулись, когда он забирал оружие. Впервые Шарлотта увидела, как Уилл по собственной воле прикоснулся к другому человеку.

— Хорошо, — сказал он. — Давай потренируемся.